

Н.П. Румянцев и поиски древнерусских летописей в Англии

Александр Майоров, Виталий Ананьев

Граф Николай Петрович Румянцев, выйдя в 1814 г. в отставку, начал организовывать и финансировать из собственных средств масштабные научные мероприятия, призванные объединить усилия многих учёных в деле исследования прошлого и настоящего России. Деятельность графа и его сотрудников – членов «кружка Румянцева» – была направлена на поиск и публикацию малоизвестных или совсем неизвестных письменных источников и иных материалов, связанных с историей русского государства.

К началу 1820-х гг. сформировалось несколько центров научной деятельности кружка. Московский центр функционировал вокруг Московского архива Коллегии иностранных дел и созданной на его базе Комиссии печатания государственных грамот и договоров. В число его членов входили: один из первых отечественных библиографов и археографов Н.Н. Бантыш-Каменский, историки А.Ф. Малиновский, К.Ф. Калайдович, П.М. Строев, занимавшиеся публикацией письменных источников по отечественной истории. Благодаря их усилиям были опубликованы Сборник Кириши Данилова, сочинения Кирилла Туровского, Судебник 1497 г. и другие исторические материалы.

В Санкт-Петербурге центром деятельности кружка стал особняк гр. Румянцева на Английской набережной¹. Здесь регулярно встречались и обсуждали научные вопросы, работали с материалами богатейшей румянцевской коллекции библиограф Ф. Аделунг, востоковед Х.Д. Френ, византист Ф.И. Круг, славист и палеограф А.Х. Востоков. Они интересовались не только отечественной, но и всемирной историей, филологией, библиографией, иностранной литературой.

С работой кружка были связаны и изыскания учёных, живших в западных районах Российской империи. Археографические и археологические изыскания при поддержке графа велись в Гомеле, Полоцке, Вильно. Поручения Румянцева выполняли там будущий министр финансов Е.Ф. Канкрин, И.И. Григорович, И.Н. Данилович. Сотрудники Румянцевского кружка работали также в Смоленске, Киеве, Новгороде. В 1817–1820 гг. ими проводились масштабные подмосковные археографические экспедиции, а в 1817–1822 гг. было обследовано более 20 архивохранилищ Сибири (Тобольск, Верхотурье и др.)².

Значительный интерес Румянцев проявлял к неизвестным ранее спискам древнерусских летописей, хранившимся за рубежом. Именно с этим направлением его научных интересов связано появление румянцевских списков Новго-

© 2014 г. А.В. Майоров, В.Г. Ананьев

¹ См., например: *Медведев И.П.* Интеллектуальные беседы за обедом. Из будней Румянцевского кружка // *Библиотекословение*. 2012. № 4. С. 16–21.

² Подробнее см.: *Козлов В.П.* Колумбы российских древностей. М., 1985; *он же*. Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века. М., 1999.

родской первой и Вологодско-Пермской летописей³, скопированных с оригиналов, хранившихся тогда в Лондоне. Как граф узнал о существовании этих рукописей? Кто был непосредственным исполнителем предназначенных для него копий? Ответить на эти вопросы помогают до сих пор не введенные в научный оборот архивные материалы, в частности, сохранившиеся в Лондоне бумаги Ливенов, приобретенные Библиотекой Британского музея в 1938 г. Среди этих бумаг отложился ряд писем Н.П. Румянцева к послу России в Англии графу (позднее светлейшему князю) Х.А. Ливену, несколько отпусков писем Ливена к Румянцеву, а также некоторые другие материалы, в которых отражён процесс изготовления копии с одной из интересующих нас рукописей⁴. Переписка Румянцева с Ливеном велась на французском языке. Сохранившиеся оригиналы писем Румянцева и черновики ответов Ливена написаны очень небрежно, почти без использования знаков препинания, изобилуют пометками и грамматическими ошибками, некоторые слова и фразы читаются с большим трудом.

Сразу следует отметить, что летописи не были единственным археографическим интересом гр. Румянцева в Лондоне. Например, в письме к Ливену от 13 сентября 1818 г. он упоминает об «обещании г-на Блудова... добыть для меня Продолжение копий английских документов о России, которыми снабжал меня г-н Страндман», оговариваясь, правда, при этом, что «с тех пор, как он (Блудов. — *Авт.*) в Лондоне, я не имею от него никаких известий»⁵. Возможно, именно эта необязательность последнего⁶ и вынудила гр. Румянцева искать помощи в копировании интересующего его документа у русского посла в Великобритании гр. Ливена. Выбор именно его для выполнения этой миссии был отнюдь не случайным.

Христофор Александрович Ливен (1774–1838) был зачислен на дипломатическую службу в 1808 г. в чине генерал-адъютанта, в конце 1809 г. стал чрезвычайным посланником и полномочным министром в Берлине. В сентябре 1812 г., уже после начала Отечественной войны, Ливен был назначен послом в Великобританию. Этот пост он занимал вплоть до 1834 г. Следовательно, начало его дипломатической карьеры приходилось на то время, когда МИД возглавлял гр. Румянцев. Отношения, установившиеся между ними тогда, продолжались и после того, как в 1814 г. последний вышел в отставку. В своих письмах к Румянцеву Ливен неоднократно упоминает о той поддержке, которую оказывал начинающему дипломату министр⁷. Румянцев также вспоминает об этой помощи, например, говоря: «Я слишком восхищаюсь тем, как достойно Вы несёте дипломатическую службу, вступить в которую я имел счастье Вам помочь»⁸.

³ ОР РГБ, Румянцевское собр., № 246, 248.

⁴ British Library. The Manuscripts Division. Add MS 47244; Add MS 47290; Add MS 47291 b; Add MS 47289 b. Здесь и далее французский текст писем цитируется в переводе В.Г. Бондарчук, которой мы выражаем искреннюю признательность.

⁵ Ibid. Add MS 47244. L. 60.

⁶ 30 ноября 1819 г. Румянцев вновь пишет Ливену: «Позвольте мне, господин посол, просить Вас напомнить от меня г-ну Блудову, что после его прибытия в Лондон я не получил ни единого листа из копий документов, которые находятся в Британском музее и которые могут быть связаны с Россией, и однако он соблаговолил обещать мне добыть их для меня» (Ibid. L. 67).

⁷ См., например, письмо от 10(30) сентября 1818 г.: Вы «имеете право быть уверенным, и я не забуду... всё то, чем я обязан Вашему снисхождению» (Ibid. L. 61 v.); или же: «вклад, который Вы изволили внести в [моё] продвижение, обратившись к императору с похвалой обо мне»; «Вы знаете, что для меня нет нужды в частых свидетельствах, которые Вы мне доставляете, чтобы я когда-нибудь забыл всё то, чем я обязан Вашему снисхождению» (письмо от 19(31) марта 1819 г.: Ibid. L. 65 v.).

⁸ Ibid. L. 54.

Впервые некая «русская рукопись», происходящая из библиотеки сэра Роберта Коттона (1571–1631), упоминается в письме Румянцева Ливену от 14 ноября 1817 г., где говорится: «Г-н Страндман, неиссякаемому усердию которого я постоянно обязан, нашел в Библиотеке Коттона, Vitellius № 10, русскую рукопись, частично разрушенную огнём, и велел скопировать для меня одну страницу, которая вызывает у меня сильное желание обладать копией всей рукописи. Но тот, кто скопировал страницу, не зная вовсе русский язык, сделал то, что он копировал, почти непонятным, однако запрашивает за полную копию сто фунтов стерлингов, это слишком дорогая плата за копию рукописи, достоинство которой неизвестно, как и содержание, и которую я наверняка получу очень неправильную и полную ошибок. Сохраняя однако желание иметь копию этой рукописи, я осмеливаюсь спросить у Вашего Превосходительства, не окажется ли возможным, чтобы один из певцов Вашей капеллы выполнил для меня эту копию, я полагаю, что три или четыре сотни рублей ассигнациями были бы очень хороши для оплаты подобных трудов». В ожидании ответа о возможности такой работы Румянцев просил сообщить ему пока лишь о том, как выполнена данная рукопись: на пергаменте или на бумаге⁹.

Итак, Румянцев узнал о существовании названной рукописи от некоего господина Страндмана. Установить личность последнего не составляет большого труда. Иван-Густав Магнус Оттонович фон Штрэндман (1784–1842) был известным путешественником и историком; находясь на службе в Коллегии иностранных дел, в 1806 г. он занимался приведением в порядок азиатских бумаг тамошнего архива. Тогда же он исполнял обязанности секретаря гр. Ливена, за которым последовал в Берлин в 1810 г. В 1812 г. он познакомился с гр. Румянцевым и вскоре стал деятельным участником учёных занятий последнего. Будучи на дипломатической службе в Швеции, он активно занимался археографическими изысканиями по поручению графа. Затем, став секретарём русского посольства в Лондоне, и там продолжил свои научные изыскания: им были обнаружены переписка английской королевы Елизаветы I с царём Иваном Грозным, а также описание путешествия Э. Кемпфера через Россию в Японию¹⁰.

Отпуск ответа Ливена датируется 2(14) марта 1818 г. В нём посол, прося прощения за столь долгий перерыв, сообщает графу следующие сведения: «Рукопись написана на обычной бумаге и состоит из двух томов *in quarto*, из которых в одном, кажется, не хватает последних листов. Вернее всего, она не является оригиналом и списана с некоторой неточностью, содержание охватывает историческую эпоху с конца века Ноя до конца 15-го века, царствования Ивана Васильевича. Рукопись сильно попорчена огнём, и записи в ней выполнены в форме пирамиды, в вершине которой, кажется, не хватает двух или трёх строк и многих верхних слов или слогов». Далее следуют уверения в том, что копия для графа будет выполнена¹¹. Интерес, который вызвала у Румянцева лондонская рукопись, виден из постскриптума к его письму от 2 мая 1818 г.: «Не скрою от Вас, господин граф, что я ожидаю с подлинным нетерпением копию рукописи, которую Вы сооблаговолили мне обещать»¹².

⁹ Ibid. L. 54–54 v.

¹⁰ См. о нём: Козлов В.П. Колумбы российских древностей.

¹¹ British Library. The Manuscripts Division. Add MS 47244. L. 55–55 v.

¹² Ibid. L. 58–58 v.

Первые скопированные страницы прибыли в Санкт-Петербург осенью 1818 г. В письме от 10(30) сентября 1818 г., написанном из Ахена (Экс-ла-Шапель), Ливен отмечал: «Копия первых 34 листов только что закончена, я её здесь прилагаю, продолжение увража последует по мере возможностей»¹³. 28 ноября 1818 г. гр. Румянцев поблагодарил посла за «копию 34 первых страниц рукописи», с которой «он желал ознакомиться», и оговорил: «Я их уже прочёл и с интересом ожидаю продолжения»¹⁴. Копирование оказалось делом долгим и весьма кропотливым. Сам Ливен объяснял это тем, что «трудность исполнения этих копий и точность, которой они требуют, неизбежно делают этот труд долгим и, следовательно, становятся причиной долгих перерывов в отправке» (письмо от 5(17) марта 1820 г.)¹⁵.

19(31) марта 1819 г. Ливен отправил в Санкт-Петербург «5 тетрадей, составляющих продолжение копии рукописи, первые эссе которой я уже имел честь Вам отправить», и отмечал, что «эта работа продолжится..., и я не пренебрегу возможностями их Вам... доставить»¹⁶. 30 марта 1820 г. Румянцев благодарил Ливена за присланное ему 5(17) марта того же года продолжение «копии русской рукописи»¹⁷, а 4 апреля 1821 г., вернувшись в Санкт-Петербург из Гомеля, выражал признательность за переданное через путешественников 25 декабря 1820 г. (6 января 1821 г.) «продолжение копии тетрадей русской рукописи»¹⁸ — пять тетрадей летописного текста¹⁹. Ещё одна часть рукописи была отправлена из Лондона 8(20) сентября 1822 г.²⁰ Завершился проект лишь в 1824 г. Тогда, 21 мая (2 июня) с оказией «через фельдгегеря» Румянцеву были переданы последние 15 тетрадей копии²¹.

Вероятно, предполагалось, что посредничество Ливена в археографических начинаниях Румянцева будет продолжаться, так как в письме от 14 июля 1824 г. последний благодарил посла за «предельную заботу, проявленную для того, чтобы предоставить мне копию древней русской рукописи, которая хранится в Британском музее», и отмечал: «Вы, не удовлетворившись этим благодеянием, обещаете мне другие подобные, я соглашаюсь, господин граф, с живейшей признательностью с этим Вашим обещанием, которое Вы хотите на себя взять»²².

Уже в процессе изготовления копии с котноновской рукописи Ливен выполнял и другие посреднические функции, связанные с научными интересами гр. Румянцева. Так, в сентябре 1818 г. последний благодарил посла «за очень хороший приём», оказанный Коцебу, и «за всё покровительство, которое Вы соблагволили оказать моему судну, когда оно причалило в Англии»²³. Очевидно, граф имел в виду помощь прибывшему в Лондон бригу «Рюрик», снаряжённому за его собственный счёт и возвращавшемуся домой после трёхлетнего кругосветного плавания. В знак благодарности Румянцев отослал

¹³ Ibid. L. 61.

¹⁴ Ibid. L. 62.

¹⁵ Ibid. L. 68.

¹⁶ Ibid. L. 65 v.

¹⁷ Ibid. L. 69. Об её отправке см.: Ibid. L. 68.

¹⁸ Ibid. L. 71.

¹⁹ Ibid. L. 70.

²⁰ Ibid. L. 72.

²¹ Ibid. L. 73.

²² Ibid. L. 74.

²³ Ibid. L. 60.

Ливену сборник материалов этого путешествия, вышедший летом 1824 г.²⁴ В ноябре 1818 г. Румянцев обратился к Ливену с ещё одной просьбой: узнав о возвращении в Лондон двух экспедиций, «которые из любви к наукам Англия предприняла к полюсу и в Баффинов залив», он просил посла отправить ему «брошюры и выпуск журнала..., где будет обсуждение этих двух экспедиций»²⁵. Соответствующие материалы он получил.

Как видим, имя гр. Ливена может быть поставлено в ряд имён тех, кто своей многолетней помощью содействовал работе Румянцевского кружка и выполнял «учёные поручения» государственного канцлера. Вместе с тем, очевидно, что русский посол в Великобритании лично не мог проводить обследование интересующей графа рукописи и тем более осуществлять надзор за её копированием. Кому же он перепоручил это ответственное задание?

Среди бумаг Ливена сохранилось несколько писем, дающих ответ и на этот вопрос. Неизвестный корреспондент в письме от 8 января (вероятно, 1818 г.), после изъявления благодарности послу «за весьма благосклонный ответ на мою просьбу в рассуждении моего сына», сообщал следующее: «Вчерашний весь день, Ваше сиятельство, я провёл в British Museum, рассматривая обгорелый славянский манускрипт, т.е. тот древний российский летописец, про который Ваше Сиятельство говорить мне изволили и который я и прежде там видел. Я не знаю, какое мнение г. Страндман дал об оном его сиятельству канцлеру графу Н.П. Румянцеву, но я оный нахожу как следует: он написан на простой бумаге, а не на пергаменте, и состоит из двух частей в четверть листа. Одна часть его была переплетена или лучше сказать сшита внизу листов, другая же часть вся в особых листах порознь. В конце обеих частей, по-видимому, не достаёт по несколько листов («листов» вписано над строкой вместо зачёркнутого слова, которое не читается. – *Авт.*), и по причине, что вторая часть не сшита, кажется, листы много перемешаны и трудно, я думаю, привести в порядок, ибо ни чисел на листах, ни переносных слов в концах с одной страницы на другую не приметно. Манускрипт, по моему мнению, может быть, скоро и без довольного основания сделанному, кажется, не оригинал, а копия, сделанная не довольно искусным писцом, ибо мне показалось немало ошибок в писании: начинается он так, как и прочие мне известные напечатанные летописцы, а именно Нестором и так называемой Никоновской, т.е. начинается от Ноевых сынов и кончает, сколько я мог разобрать, царствованием царя Ивана Васильевича, называемого важным или великим, т.е. продолжается до конца 15 века. Дела описывает, кажется, не очень пространно: письмо весьма старинное, славянское, очень слитное, без разделения почти вовсе слов одного от другого. Кроме того, употребляет титлы, сокращения и древние буквы, которые давно уже вышли из употребления в письме, что и составляет величайшую трудность в разборе и выразумлении слов. Так что кто бы взялся оный списывать, должен будет употребить некоторое время на изучение букв, слогов и аббревиаций или сокращений под титлами»²⁶.

После этого достаточно подробного разбора особенностей рукописи автор письма давал характеристику физического состояния манускрипта: «Другая трудность и по несчастию непреодолимая состоит в том, что он обгорел, и его

²⁴ Ibid. L. 74.

²⁵ Ibid. L. 63.

²⁶ Ibid. L. Add MS 47289 b. L. 3–3 v.

форма вместо продолговатой или квадратной, как обыкновенные листы бумаги, сделалась пирамидальною»²⁷. Для большей наглядности в тексте содержалось изображение обгоревшего листа рукописи с указанием тех мест, в которых текст не читался.

Описание рукописи, которое мы можем считать первым палеографическим описанием Лондонского списка Вологодско-Пермской летописи, завершалось следующим замечанием: «Все сказанные недостатки и затруднения находятся в обеих частях. Сколько я мог приметить, что сочинитель или списатель оного пользовался летописцем Нестора и Никоновским, но не могу сказать, имеет ли что-нибудь новое, в тех не находящееся, или нет, а судя по его величине и по долготе времени, которое объемлет, обстоятельства, описанные в Никоновском летописце, в сём должны быть много сокращены»²⁸. Как видим, автор письма имел определённые представления об истории древнерусского летописания, по крайней мере, ему было известно имя Нестора, и он знал о существовании и объёме Никоновской летописи. Кем же он был?

Косвенные свидетельства об этом можно получить уже из последнего абзаца цитированного выше письма: «В начале будущей недели я пойду с одним из моих церковников²⁹ в British Museum, показать ему сей манускрипт и посмотреть, будет ли он в состоянии сколько-нибудь разобрать оный»³⁰. Следовательно, автор имел какое-то отношение к русской церкви в Лондоне, был связан с русским послом и имел как минимум одного сына, начинавшего в 1818 г. службу.

В написанном тем же почерком письме от 21 марта 1818 г. автор интересовался, не будет ли угодно Ливену «пожаловать на молебен», проводящийся по случаю «вступления на престол государя императора»³¹. Наконец, в августе 1822 г., передавая очередную часть копии для Румянцева, он просил посла передать с той же оказией в Санкт-Петербург «маленькую свёртку с некоторыми бумагами» для президента Академии художеств А.Н. Оленина.

Можно уверенно предположить, что автором этих писем и непосредственным исполнителем поручения Румянцева был не кто иной, как священник русской посольской церкви в Лондоне протоиерей Яков Смирнов (Линицкий) (1754–1840), более 60 лет служивший в Лондоне. В 1776 г. он получил назначение в посольскую церковь, а с 1780 г., после рукоположения в иереи, исполнял при ней обязанности священника. Смирнов много помогал Академии художеств и Академии наук, способствовал передаче России английских достижений в области сельского хозяйства. Получив прекрасное классическое образование в Харьковском коллегиуме, он был обладателем обширной библиотеки, в которой находились книги отцов церкви, греческих и латинских классиков, русских авторов³².

²⁷ Ibid. L. 3 v.

²⁸ Ibid. L. 4–4 v.

²⁹ Церковниками назывались все члены причта русских заграничных церквей, не посвящённые в сан. Им выплачивалось весьма незначительное жалованье, так что дополнительный доход, полученный за копирование рукописи, мог иметь для них весьма серьёзное значение. См. об этом: Орлов А.А. Священник Яков Иванович Смирнов: 60 лет служения в Лондоне // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. II. История. История Русской Православной Церкви. 2008. Вып. 3 (28). С. 20, примеч. 8.

³⁰ British Library. The Manuscripts Division. Add MS 47289 b. L. 4 v.

³¹ Ibid. Add MS 47290. L. 22–22 v.

³² Орлов А.А. Указ. соч. С. 18–34.

Академик М.П. Алексеев отмечал, что сложившийся вокруг отца Якова литературно-переводческий кружок в начале XIX в. «взял... в свои руки инициативу ознакомления англичан с русской художественной литературой»³³. Сам Смирнов перевёл на английский язык «Обозрение Российской империи в нынешнем её новоустроенном состоянии» С.И. Плещеева, а также новый таможенный тариф³⁴. Одним из многочисленных неформальных поручений посла активному и не чуждому наукам и искусству священнику, вероятно, и стала организация копирования рукописи для гр. Румянцева.

11 марта 1818 г. первые девять тетрадей копии были переданы Смирновым Ливену. В сопроводительном письме говорилось: «Взглянув на сии тетради, Ваше Сиятельство вдруг изволит приметить, что листы сего манускрипта (верно, после пожара) весьма перемешаны, что явствует из годов, кои я выставил карандашом, но, как каждый списуемый лист точно соответствует оригинальному манускрипту, то по окончании первого тома привыкшему к русской истории весьма нетрудно будет раскиданные листы привести в надлежащий порядок»³⁵. Работа, как мы уже отмечали выше, шла достаточно долго, так что ещё и в августе 1822 г. Смирнов передавал послу «связку, содержащую 16 тетрадей старой русской летописи, списываемой в British Museum»³⁶.

Что же представляла собой рукопись, в копировании которой принимали участие русский посол в Лондоне и священник посольской церкви? Известный знаток памятников славяно-русской письменности и грамматики славянских языков академик А.Х. Востоков (1781–1864), с 1824 г. сотрудничавший с Румянцевым, а после его смерти ставший хранителем Депо манускриптов и старшим библиотекарем Румянцевского музея, атрибутировал лондонскую рукопись как «древний Летописец русский». Востоков отметил высокое качество копии, сделанной для гр. Румянцева, в которой «сохранён в точности счёт листов и даже строк каждой страницы Лондонского списка. У сего последнего все листы вверху округлены (обожжены или обиты от ветхости?), так что на каждой странице крайних слов с начала и конца первой, второй и третьей строки недостаёт; что и в копии везде обозначено. Также и правописание, как видно, везде соблюдено, в оном употреблены юсы». Обратив внимание на вологодские известия, которыми заканчивается текст летописи, учёный первым сделал предположение о происхождении памятника: «Не в Вологде ли писан и подлинник сего Летописца?»³⁷.

Описание Востокова долгое время оставалось единственной характеристикой котнового списка древнерусской летописи. Более столетия не предпринималось никаких попыток его дальнейшего изучения. О рукописи кратко упоминает только И.И. Срезневский, отнеся её к спискам одной из Софийских летописей³⁸. В дальнейшем эта рукопись вообще выпала из поля зрения ис-

³³ Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII в. – первая половина XIX в.) // Литературное наследство. Т. 91. М., 1982. С. 144.

³⁴ Лоевская А.Ю. Служение Отечеству: Православный священник в Лондоне Яков Смирнов (1780–1840) // *Imagines mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* № 6. Сер. Альбионика. Вып. 3. Екатеринбург, 2008. С. 321–339.

³⁵ British Library. The Manuscripts Division. Add MS 47290. L. 18–18 v.

³⁶ Ibid. Add MS 47291. L. 136.

³⁷ Востоков А. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. № 246. С. 336–340.

³⁸ Срезневский И.И. Славянские рукописи Британского музея в Лондоне и Бодлейской библиотеки в Оксфорде // Известия Императорского Археологического общества. Т. VII. Вып. 3. СПб., 1872. С. 233–235.

следователей. О ней нет ни одного упоминания в многочисленных описаниях славяно-русских рукописных книг Британского музея, составленных русскими учёными, специально изучавшими его фонды³⁹.

Только в связи с начатым А.А. Шахматовым изучением общерусских летописей XV в. Лондонский список вновь привлёк внимание исследователей. Благодаря предложенной Шахматовым схеме общерусского летописания, котовновскую рукопись стали связывать с группой списков, относящихся к Вологодско-Пермской летописи. Предположение о возможном существовании особой Вологодско-Пермской летописи Шахматов впервые сделал в 1900 г.⁴⁰ В дальнейшем взгляды учёного по этому вопросу менялись. В посмертно опубликованном обобщающем труде о русских летописных сводах XIV–XVI вв. он отказался от гипотезы о существовании Вологодско-Пермской летописи, высказав мысль о трёх других связанных между собой летописях: Великопермской, Кирилло-Белозерской № 251 и Синодальной № 485⁴¹.

С одним из названных манускриптов – Синодальным № 485 – был знаком ещё Н.М. Карамзин, называвший его «Синодальным ветхим летописцем». О значении, которое учёный придавал этому источнику, свидетельствуют многочисленные выписки из него, помещённые в примечаниях к «Истории государства российского». Эта рукопись с карандашными отметками, сделанными, вероятно, самим Карамзиным, сохранилась до нашего времени⁴².

А.А. Шахматов, а вслед за ним и другие историки отметили совпадение известий Вологодско-Пермской летописи с другим памятником русского летописания конца XV в. – Никаноровской летописью – вплоть до окончания последней под 1471 г., полагая, что в основе обеих летописей лежал свод 1472 г. – первый из известных ныне памятников летописания единого Русского государства. Собственно вологодско-пермские известия читаются в летописи только после 1472 г.

Дальнейшее изучение Вологодско-Пермской летописи связано с деятельностью созданной в 1936 г. на базе Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР группы (в терминологии тех лет «бригады») по изданию русских летописей. Согласно разработанному М.Д. Приселковым плану нового Полного собрания русских летописей (ПСРЛ), изучение и подготовка к изданию Вологодско-Пермской летописи была поручена М.Н. Тихомирову⁴³.

³⁹ Успенский Ф.И. О некоторых славянских и по-славянски писанных рукописях, хранящихся в Лондоне и Оксфорде // Журнал Министерства народного просвещения. 1878. Ч. 99. Сентябрь. Отдел 2. С. 1–21; Ч. 100. Октябрь. Отдел 2. С. 63–70; Грот К.Я. Лондонские заметки. Славянские рукописи Британского музея. Славистика в Англии // Русский филологический вестник. 1887. Т. XVII. С. 1–29; Сырку П.А. Славянские и русские рукописи Британского музея в Лондоне // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1908. Т. LXXXIV. № 4. С. 1–86. См. также: Burtsev V. Russian documents in the British Museum // Slavonic Review. 1926. Vol. 4. N 12. P. 669–685; Loewenson L. Russian documents in the British Museum. I–II // The Slavonic and East-European Review. 1936. Vol. 14. N 41. P. 380–388; N 42. P. 661–669.

⁴⁰ Шахматов А.А. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Ч. 331. № 9. Отд. 2. С. 141–144, 154–157.

⁴¹ Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 346–352.

⁴² ГИМ, Синод. собр. № 485. Здесь и далее указываются современные шифры и места хранения рукописей.

⁴³ Вовина-Лебедева В.Г. Н.Ф. Лавров, А.Н. Насонов, М.Д. Приселков и группа по изданию русских летописей 1936 г. // Летописи и хроники. Новые исследования. 2008 г. СПб., 2008. С. 295.

В результате за этой летописью окончательно закрепилось её нынешнее название. Согласно Тихомирову, в основе Вологодско-Пермской летописи лежит общерусский свод, составленный при дворе Пермского епископа Филофея в конце XV или начале XVI в. на основании более ранних общерусских летописных сводов. Этот не дошедший до нас летописный свод, «собственно и являющийся Вологодско-Пермской летописью», был дополнен и доведён до 1526 г., по-видимому, в Москве. Свод 1526 г. дошёл до нас в виде Академического списка. Впоследствии он был вновь дополнен на основании московских записей и доведён до 1538 г. Этот самый полный свод сохранился в Кирилло-Белозерском, Синодальном и Чертковском списках⁴⁴.

Большой заслугой М.Н. Тихомирова, занимавшего в 1953–1957 гг. пост академика секретаря Отделения исторических наук, а в 1956–1965 гг. председателя Археографической комиссии Академии наук СССР, стало возобновление издания ПСРЛ. В 26-м томе последнего, вышедшем под редакцией Тихомирова в 1959 г., был опубликован текст Вологодско-Пермской летописи по Кирилло-Белозерскому списку. Чтения Академического, Синодального и Чертковского списков приведены в виде вариантов к основному тексту. Когда том уже был подготовлен к изданию, из Библиотеки Британского музея поступил микрофильм Лондонского списка. Составителям не оставалось ничего другого, как привести некоторые отрывки из него, а также дать варианты разночтений с Кирилло-Белозерским списком в приложении⁴⁵.

Одним из сотрудников Тихомирова, привлечённых им к изданию Вологодско-Пермской летописи и других памятников, стал В.И. Буганов (1928–1996). Осенью 1955 г. он приступил к изучению летописного текста, классификации и сведению различных списков. Именно Буганов первым пришёл к выводу, что Лондонский список содержит первоначальную редакцию Вологодско-Пермской летописи, «о существовании которой до сих пор говорилось только предположительно». Помимо Лондонского и Румянцевского списков Буганов привлёк к изучению летописи ещё два ранее неизвестных списка – Белевского и Осолиньских, обнаруженных незадолго перед тем во Львовском филиале Библиотеки Академии наук Украинской ССР Я.Н. Щаповым⁴⁶.

В 1960–1970-х гг. были сделаны другие важные открытия в области изучения общерусского летописания второй половины XV в., показавшие, что Лондонский список Вологодско-Пермской летописи имеет ключевое значение для изучения истории русского летописания второй половины XV в. – как общерусского, великокняжеского, ведущегося в Москве, так и местного, составлявшегося на Русском Севере. Сопоставление Лондонского списка с известными ранее памятниками – Ермолинской летописью, Московским летописным сводом конца XV в., Архивской (или Ростовской), Симеоновской и Воскресенской летописями – доказывает существование общего протографа, лежавшего в их основе. Его состав уточняется при сличении Лондонского списка с историческими известиями Музейного и Воронцовского сборников, а также с летописями Лавровского и Никаноровской. В них сохранился текст наиболее ранней

⁴⁴ Тихомиров М.Н. О Вологодско-Пермской летописи // Проблемы источниковедения. Вып. 3. М.; Л., 1940. С. 225–244.

⁴⁵ Полное собрание русских летописей. Т. XXVI. М.; Л., 1959. С. 328–368.

⁴⁶ Буганов В.И. О списках Вологодско-Пермского летописного свода конца XV – начала XVI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 158–165. См. также: Плигузов А.И. Источниковедение отечественной истории в трудах В.И. Буганова // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. М., 1989. С. 65.

из известных ныне редакций московского великокняжеского летописания, в которой была закреплена московская традиция освещения важнейших событий русской истории⁴⁷.

Вернёмся к археографическим разысканиям гр. Румянцева. В 1824 г. ему стало известно о существовании ещё одной древнерусской летописи. Манускрипт был выставлен на продажу на публичном аукционе в Гааге вместе с другими рукописями и редкими книгами из библиотеки Г. и Й. Мсерманов. В четвёртом томе опубликованного накануне аукциона каталога их библиотеки под № 1092 значилась рукопись на славянском языке «О князьях и России с 853 по 1436 г.»; далее указывалось, что рукопись происходит из архивов Сената, написана в 1444 г., переписана в 1738 г. и имеет старинный переплёт⁴⁸.

У нас нет сведений, принимал ли Румянцев (или его представители) участие в гаагском аукционе, состоявшемся в июне 1824 г. Тем не менее можно с уверенностью говорить, что уже в этом году русский граф получил разрешение на копирование рукописи у её нового владельца – английского баронета Т. Филиппса (1792–1872), крупнейшего в истории частного коллекционирования собирателя редких книг, в особенности древних пергаменных манускриптов.

Унаследовав от своего отца, текстильного фабриканта, значительное состояние, Филиппс полностью истратил его на покупку редких письменных документов и манускриптов. Его коллекция насчитывала около 60 тыс. рукописных и 50 тыс. редких печатных книг. Одержимость, с которой действовал Филиппс, разыскивая и приобретая новые книги, нередко вызывала непонимание и даже осуждение окружающих; за собирателем прочно закрепилась репутация «книжного маньяка»⁴⁹.

Филиппс стремился публиковать в печати сведения о наиболее важных своих находках и приобретениях. С этой целью в 1822 г. он организовал собственное книжное издательство Миддл Хилл Пресс (по названию поместья). В конце жизни баронет попытался передать свою уникальную коллекцию в собственность британского народа, однако переговоры с правительством не увенчались успехом. В результате уникальная коллекция после смерти владельца была распродана по частям, чтобы покрыть его многочисленные долги.

Главными покупателями рукописей Филиппса стали Прусская королевская библиотека, Национальная библиотека в Париже, Королевская библиотека Бельгии и Провинциальный архив в Утрехте. Часть книг отправилась за океан, пополнив фонды библиотек Дж.П. Моргана (Нью-Йорк) и Г.Э. Хантингтона (Лос-Анджелес)⁵⁰. Несколько средневековых папских грамот из коллекции

⁴⁷ Данилевский И.Н. Общерусские летописные своды конца XV–XVI веков // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 1998. С. 205.

⁴⁸ *Bibliotheca Meermanniana; sive Catalogus librorum impressorum et codicum manuscriptorum, quos maximam partem collegerunt viri nobilissimi Gerardus et Joannes Meerman: morte dereliquit Joannes Meerman, toparcha in Dalem et Vuren, etc., etc.: quorum publica fiet auctio die VIII sqq. junii, anni MDCCCXXIV Hagae Comitum in aedibus defuncti: per bibliopolas S. et J. Juchtmans, Lugduno-Batavos, fratres Van Cleef, Haganos et Amstelodamenses, et B. Scheurleer, Haganum. Vol. III–IV. Hagae Comitum, 1824. Nr. 1092. P. 180.*

⁴⁹ Подробнее см.: *Barker N. Portrait of an Obsession: The Life of Sir Thomas Phillipps, the world's greatest book collector. L., 1967; Bell A. Phillipps, Sir Thomas, baronet (1792–1872) // Oxford Dictionary of National Biography. Oxford, 2004.*

⁵⁰ В 1946 г. все книги, какие ещё оставались от библиотеки Филиппса, были проданы оптом лондонским книготорговцам Ф. и Л. Робинсонам за 100 тыс. фунтов стерлингов. Ещё несколько десятилетий продолжались распродажи с аукционов. Последняя часть библиотеки была продана в США в 1977 г. Наиболее полно история собрания Филиппса изучена А. Мунби (*Munby A.N.L. Phillipps Studies. Vol. 1–5. Cambridge, 1951–1960.*)

Филиппса в 1911 г. на аукционе Сотбис купил выдающийся русский историк и коллекционер Н.П. Лихачёв. Эти грамоты до настоящего времени хранятся в собрании Архива Санкт-Петербургского института истории РАН⁵¹.

В сравнительно сжатые сроки, в конце 1824 – первой половине 1825 г. с приобретённого Филиппсом списка древнерусской летописи для гр. Румянцева была снята и доставлена в Петербург копия. Летом 1825 г. отдельно Филиппс отослал Румянцеву «снимок» с приписки, завершавшей рукопись, в которой заключались сведения об обстоятельствах и времени её происхождения: «Сия книга списывана 1738 году с древняго летописца Сенатской Архивы»⁵². Для получения копии с манускрипта Филиппса Румянцев не стал обращаться за помощью к Ливену, а воспользовался услугами другого своего помощника – гр. Воронцова. Бывший посол России в Англии Семён Романович Воронцов (1744–1832) после своей отставки в 1806 г. постоянно проживал в Лондоне и с 1816 г. курировал копирование для Румянцева документов из английского Посольского архива и Коттонианской библиотеки, касавшихся истории России⁵³.

О причастности Воронцова к копированию списка Филиппса свидетельствует следующий факт. С него одновременно были сняты две копии: одна отправилась к Румянцеву, а другая осталась у Воронцова. В 1920 г. Воронцовский список поступил в Библиотеку Российской академии наук, где находится до настоящего времени⁵⁴. Сличение Воронцовской и Румянцевской рукописей показывает, что обе они «имеют одинаковый формат, переплёты их оклеены почти одинаковой бумагой, обе имеют одинаковые кожаные наклейки в середине верхней крышки с надписью “Slavonick manuscript anno 853–1444” и обе написаны на одинаковой бумаге фабрики Ватмана, со знаком 1820 и 1822 гг.». Сличение почерков также показывает, что оба списка написаны одним писцом. При этом Румянцевский список «написан более старательно и чисто», однако в нём «имеется целый ряд пропусков по сравнению с Воронцовским». Иначе говоря, Воронцовский список «по исправности текста является лучшим из этих двух списков»⁵⁵.

Происхождение Румянцевского списка от «древнего летописца Сенатской архивы» отметил А.Х. Востоков, указав на многочисленные отличия его текста от Академического списка Новгородской первой летописи и от Софийского временника⁵⁶. Оригинал, с которого была снята Румянцевская копия, Востоков атрибутировал как «Летописец новгородский Иоанна попа с продолжениями по 1445 год»⁵⁷. Востоков также попытался установить, существовал ли в действительности «древний летописец Сенатской Архивы». В 1825 г. по этому поводу развернулась оживлённая дискуссия, в которой приняли участие наиболее известные собиратели и знатоки русских древностей. Свои суждения высказали,

⁵¹ См.: Чиркова А.В. Две малые буллы Александра III (1159–1181) и Луция III (1181–1185), адресованные фландрскому монастырю Сен-Бертен, в собрании Н.П. Лихачёва // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXIX. СПб., 2005.

⁵² См.: Востоков А. Описание русских и славянских рукописей... № CCXLVIII. С. 340–341.

⁵³ Козлов В.П. Российская археография... С. 198–199; Старчевский А. О заслугах Румянцева, оказанных отечественной истории // Журнал Министерства народного просвещения. 1846. Ч. 49. С. 39.

⁵⁴ ОР БАН. 31.7.31 (Воронц. 1090). См.: Срезневский В.И., Покровский Ф.И. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. III. Вып. 1. Л., 1930. С. 82.

⁵⁵ Гейерманс Г.Л. Татищевские списки Русской Правды // Проблемы источниковедения. Вып. 3. С. 167.

⁵⁶ Востоков А. Описание русских и славянских рукописей... С. 341–350.

⁵⁷ Там же. С. 340.

в частности, митрополит Киевский и Галицкий Евгений (Болховитинов), крупнейший церковный историк, археограф и библиограф, а также А.И. Ермолаев, в 1812–1828 гг. бывший главным хранителем Отдела рукописей Императорской Публичной библиотеки.

Судя по письму Востокова к Румянцеву от 25 июля 1825 г., последний переслал Востокову полученный от Филиппса «снимок» с приписки к летописи. В своём письме Востоков сообщает: «Митрополит Евгений, коему я показывал снимок сей, объявил мне, что в Сенатском Архиве находился какой-то летописец, но где он теперь находится, ему неизвестно». Ермолаеву же, – продолжает Востоков, – «не случилось нигде ни читать, ни слышать о существовании такого летописца». Автор письма в заключение выражает уверенность, что список Филиппса позволяет восполнить утрату древнего оригинала: «Если бы по несчастью подлинник и утрачен был теперь, то весьма драгоценен будет список, в 1738 г. снятый»⁵⁸.

В 1887 г. принадлежавший Филиппсу список древнерусской летописи был приобретён Прусской королевской библиотекой. Описавший его в 1892 г. Л. Штерн первым атрибутировал манускрипт как список Новгородской первой летописи попа Иоанна, с дополнением отсутствующего начала, изготовленный в 1738 г. для русского историка В.Н. Татищева в селе Болдине Владимирской губ. Из описания Штерна следует, что в момент поступления в Прусскую королевскую библиотеку к списку летописи были приложены письмо Татищева к неназванному адресату от 12 октября 1749 г. и пять листов с заметками и выписками на русском языке. В письме указывалось, что «копию новгородского попа Иоанна» Татищев отсылал в Англию для передачи Лондонскому королевскому обществу, членом которого он сам желал стать⁵⁹. По нашему мнению, письмо Татищева от 12 октября 1749 г. было адресовано английскому купцу, литератору и общественному деятелю Д. Ганвею, с которым историк познакомился в 1743 г. в бытность астраханским губернатором. Ганвей, до 1750 г. живший в России и снабжавший Татищева различными английскими товарами, взялся выступить посредником в его переговорах с Лондонским королевским обществом⁶⁰.

В письме Татищева к Ганвею упоминается ещё некий «древний манускрипт русской истории», также предназначавшийся для Лондонского королевского общества, отосланный 1 октября 1749 г. «чрез лекаря Фреера (Фрейра)»⁶¹. Это, весьма вероятно, принадлежавшая историку Ростовская летопись, точнее, её Ярославский список XVII в.⁶² Об отправке оригинала этой рукописи в Лон-

⁵⁸ Переписка А.Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. V. Ч. 2. СПб., 1873. С. 232–233.

⁵⁹ Die orientalischen Meerman-Handschriften des sir Thomas Phillipps in der Königlichen Bibliothek zu Berlin / Beschreiben von L. Stern. Berlin, 1892. Nr. 1987. S. 20–21.

⁶⁰ Подробнее см.: Майоров А.В. Из истории Берлинского списка 1738 г. Новгородской первой летописи // Отечественные архивы. 2010. № 6. С. 53–58.

⁶¹ Staatsbibliothek zu Berlin – Preussischer Kulturbesitz. Handschriftenabteilung. MS Phill. 1987. Лист без номера, помещён после листа 171. Текст документа опубликован: Майоров А.В. Описание рукописи // Новгородская первая летопись. Берлинский список // Письменные памятники истории и культуры России в собраниях зарубежных архивов и библиотек. Т. 1. СПб., 2011. С. 71–73.

⁶² Пешич С.Л. Русская историография XVIII века. Ч. I. Л., 1961. С. 260. См. также: Шахматов А.А. Повесть временных лет // Шахматов А.А. История русского летописания. Т. I. Кн. 2. СПб., 2003. С. 528, примеч. 1.

дон, а её копии – в Санкт-Петербург, в Академию наук, Татищев говорит в седьмой главе своей «Истории Российской»⁶³. К сожалению, ни оригинал, ни копия Ростовской летописи до настоящего времени не разысканы, что не раз подавало повод для различных спекуляций и необоснованных предположений насчёт реальности их существования⁶⁴. Приведённое нами письмо Татищева от 12 октября 1749 г. является новым подтверждением факта существования летописи и отправки её в Лондон.

По нашему мнению, «копия новгородского попа Иоанна», снятая в 1738 г. с «древнего летописца Сенатской Архивы», – это и есть принадлежавший Филиппсу список Новгородской первой летописи, ныне хранящийся в Государственной библиотеке Берлина – Прусское культурное наследие (MS Phill. 1987) – и именуемый Берлинским списком. Он, несомненно, является копией с Академического списка Новгородской первой летописи⁶⁵, снятой в то время, когда в Академическом списке ещё не были утрачены несколько десятков листов, которых в нём недостает ныне⁶⁶.

Нынешний Берлинский список возник в результате подготовленного в первой половине 1730-х гг. Петербургской Академией наук проекта первого издания русских летописей. Среди отобранных для публикации рукописей была и принадлежавшая Татищеву «Летопись попа Иоанна». Как следует из опубликованного А.И. Андреевым в обратном переводе с латинского языка письма Татищева к Шумахеру от 21 декабря 1735 г., уже в начале 1734 г., перед отъездом Татищева из Петербурга, Академия наук приступила к печатанию взятой у него рукописи. Обращаясь к Шумахеру, историк писал: «При моём отъезде Вы обещали напечатать полученную от меня Новгородскую историю и показали мне один лист»⁶⁷. Этой «Новгородской историей», несомненно, была «Летопись попа Иоанна», т.е. нынешний Академический список Новгородской первой летописи, с которого в начале 1734 г. уже был напечатан один пробный лист⁶⁸.

В представлении Сенату от 23 апреля 1734 г., подписанном советниками Академии Х. Гольдбахом и И. Шумахером, сформулированы принципы будущего издания летописей: при публикации изъятию подлежали все места, не относящиеся к светской истории, а содержащие духовные и нравственные рассуждения. Из Сената представление Академии для «апробации» было направлено в Синод, который затребовал не только исчерпывающий перечень предназначенных для публикации летописей, но и сами летописи. Из сделанного Синодом заключения явствует, что изъятия должны касаться и той части летописных известий, которые относились исключительно к светской истории, но содержали «лживые» и «опасные» для народа сведения⁶⁹.

⁶³ Татищев В.Н. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. М., 1994. С. 125.

⁶⁴ См., например: Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 72–73.

⁶⁵ ОР БАН, 17.8.36.

⁶⁶ Подробнее см.: Майоров А.В. Список Филиппа (Берлинский) Новгородской первой летописи (предварительные итоги изучения) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 232. С. 91–108; он же. Берлинский список – копия «древняго летописца Сенатской архивы»: сравнительно-текстологическое изучение рукописи // Новгородская первая летопись. Берлинский список. С. 90–94.

⁶⁷ Андреев А.И. Труды В.Н. Татищева по истории России // Татищев В.Н. Собр. соч. Т. I. С. 18 (перевод с лат. А.И. Доватура).

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Проект издания российских летописей в 1734 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1857. Ч. 93. Отдел VII. С. 37.

С высокой степенью вероятности можно предполагать, что в связи с запросом Синода Академией наук была представлена на апробацию татищевская «Летопись попа Иоанна». В соответствии с общими принципами издания текст летописи был подвергнут значительной редакторской обработке при новом копировании. Из него были удалены не только сюжеты и рассуждения, имеющие отношение к духовным темам, но во избежание возможного недовольства со стороны Синода, в духе высказанных им пожеланий подвергнуты исправлению сообщения, относящиеся к светской истории⁷⁰. Дальнейшее прохождение списка по инстанциям проследить не удаётся. Нет сведений и о том, какое именно окончательное решение было принято в отношении представленного Академией издательского проекта. Ясно только, что этот проект остался несуществлённым.

Не сумевший вернуть из Академии наук свой список «Летописи попа Иоанна» и вынужденный по этой причине на некоторое время приостановить занятия историей, Татищев около 1738 г. узнал о существовании «летописца Сенатской Архивы» и в том же году заказал и получил с него копию или приобрёл оригинал.

Получение списка 1738 г. «Летописи попа Иоанна» привело к активизации работы историка, сумевшего в течение нескольких месяцев завершить составление первоначальной редакции «Истории Российской», а также приступить к работе над обнаруженным им тогда же новым важнейшим историческим источником – Русской Правдой. Палеографический анализ списка 1738 г. – нынешнего Берлинского списка Новгородской первой летописи – показывает, что Краткая редакция Русской Правды была изучена Татищевым и подготовлена к публикации именно по этой рукописи⁷¹.

Итак, археографическая деятельность гр. Н.П. Румянцева сыграла важную роль в разыскании и введении в научный оборот памятников древнерусского летописания, хранившихся к началу XIX в. в зарубежных собраниях. Новые архивные материалы позволяют проследить историю открытия Лондонского списка Вологодско-Пермской летописи и изготовления Румянцевской копии с него, а также обстоятельства появления на свет Берлинского списка Новгородской первой летописи и его Румянцевской и Воронцовской копий. Содержащиеся в бумагах Румянцева и Ливена, а также в письме Татищева к Ганвею (?) от 12 октября 1749 г. сведения важны не только для изучения истории русского летописания, но и для приобретших в последнее время новую актуальность дискуссий о научной добросовестности Татищева, для истории организации исторической науки в России и, в частности, деятельности Румянцевского кружка.

⁷⁰ См.: Майоров А.В. Проект первого издания русских летописей и возникновение «Летописца Сенатской Архивы» // Вопросы истории. 2010. № 11. С. 168–172.

⁷¹ Подробнее см.: Майоров А.В. К изучению Берлинского списка Новгородской первой летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 3. С. 39–41.